

Для цитирования: Экономика региона. — 2016. — Т. 12, вып. 2. — С. 342-358
doi 10.17059/2016-2-2
УДК 338.24.01 (1-2/-3)

В. С. Бочко

Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: vbochko@mail.ru)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ¹

В статье раскрывается понимание новой реальности (нормальности) для России, состоящее в повышении роли человека-личности и расширении экономической самостоятельности территорий в их взаимодействии с федеральным центром. Обоснование строится на гипотезе, согласно которой в условиях новой реальности повышение благополучия населения и преодоление экономического неравенства между территориями обеспечиваются расширением их экономической самостоятельности, поскольку она ведет к повышению их интеллектуального и производственно-технологического потенциала.

При выполнении исследования автор использовал базовые положения классической экономической теории, теории поведенческой экономики, междисциплинарный подход, метод статистических группировок.

Приведена динамика экономической самостоятельности территорий, выражаящаяся в снижении количества регионов-доноров и расслоении территорий в социально-экономическом отношении.

Обосновано предположение, что следствием расслоения территорий является сдерживание их социально-экономического развития и возможность возникновения «региональной периферийной экономики», свойством которой является зависимость периферии от центра, снижение местной инициативы, торможение технологического развития.

Раскрыта необходимость использования социальной психологии населения, психологических установок в экономическом развитии, «второй невидимой руки рынка» и soft power (мягкой силы) для преодоления «региональной периферийной экономики».

Результатом выполненного исследования явилось доказательство положения, что расширение экономической самостоятельности территорий не сводится к повышению самоизоляции регионов и муниципальных образований, а состоит в необходимости оставлять значительную часть дохода от производства товаров и услуг, созданного местным населением, в самостоятельном распоряжении региональных и муниципальных органов власти и направлять ее на повышение благосостояния жителей территории.

Предложена идея создания нормативно-правового документа для обеспечения и укрепления экономической самостоятельности территорий, высказаны предложения по принципам наполнения его содержания и структурирования.

Ключевые слова: новая реальность (нормальность), экономическая самостоятельность регионов, муниципальное образование, федеральный центр, благосостояние населения, консолидированный бюджет, социально-экономическое расслоение территорий, «региональная периферийная экономика», психологические установки для экономического развития, soft power

Постановка проблемы

Современное социально-экономическое состояние России требует перехода к новому формату взаимодействия федерального центра и территорий. Это вызывается как высоким уровнем территориального неравенства по благополучию, так и условиями наступившей новой реальности.

Следствием сохранения прежних управлений отношений центра и регионов мо-

жет стать торможение научно-интеллектуального и технологического развития нашего государства.

Практической мерой преодоления социально-экономического торможения развития территорий должно стать осуществление внутренних преобразований, ведущих к переходу на новую модель экономического развития, и их закрепление в концепции и мерах по стратегии развития Российской Федерации до 2030 года.

Мы исходим из гипотезы, что в условиях новой реальности повышение благополучия на-

¹ © Бочко В. С. Текст. 2016.

селения и преодоление экономического неравенства между территориями обеспечивается расширением их экономической самостоятельности, поскольку она ведет к повышению их интеллектуального и производственно-технологического потенциала.

Задача состоит в том, чтобы не упустить понимания новой реальности и связанного с ней нового технологического и социального рывка, своевременно их понять и адекватно среагировать.

Новая реальность для России

Нередко новые понятия существенно уменьшают познавательную функцию науки и тем самым обостряют понимание руководителями и обществом происходящих перемен, позволяют им ярче и быстрее осознать важность преобразований, своевременно осуществить адекватные практические действия. Одним из них является понятие «новая реальность (нормальность)».

Активное распространение нового понятия в России началось после выхода статьи Д.А. Медведева «Новая реальность: Россия и глобальные вызовы». В ней сказано: «При обсуждении текущих и перспективных проблем глобального развития все чаще стал использоваться термин *new normal*. Он появился пять лет назад, после окончания острой фазы глобального кризиса, и быстро завоевал популярность. *New normal* — «новая нормальность», или, пожалуй, можно перевести его и как «новая реальность» [1, с. 8]. Предложенное понятие четко отделяет (отграничивает) привычную экономическую модель развития, существовавшую до кризиса 2008–2009 гг., от рождающейся новой траектории экономического взросления. Ее обязательными элементами, на наш взгляд, должны стать повышение экономической самостоятельности регионов и муниципальных образований, новое качество их роста, преодоление социально-экономического неравенства.

Новая реальность (нормальность) требует новых подходов к объяснению процессов существенно изменившегося мира. Их содержание определяется тем, что происходит, «во-первых, сдвиг в нашем понимании природы организации – от биологической модели к социокультурной, во-вторых, сдвиг (и значительный) в наших возвзрениях на метод научного познания, на средство обретения знаний – от аналитического мышления (наука об изучении независимых наборов переменных параметров) к целостному, холистическому мыш-

лению (искусство и наука обращения с взаимозависимыми наборами переменных параметров)» [2, с. 31].

Базовым условием осуществления перемен, вызываемых новой реальностью, является смена отношений общества (государства) к человеку вообще и к человеку-работнику в частности.

Применительно к финансовым вопросам развития регионов новая реальность (нормальность) предполагает обновление отношений бюджетного федерализма. На это обратил внимание Е. Бухвальд. Он отмечал, что при проведении федеративной реформы в части совершенствования российской модели бюджетного федерализма «не удалось в полной мере согласовать формальное равенство субъектов Федерации с возможностью дать дополнительные стимулы развития регионам, способным выполнять роль локомотивов модернизации российской экономики; по-прежнему сохраняется заметное преобладание выравнивающей функции межбюджетных отношений над стимулирующей» [3, с. 73].

В работе «Контуры нового экономического пространства» [4] необходимость нового построения экономических отношений между федеральным центром и регионами связывается с проблемой неравенства территорий. В связи с этим авторы выдвигают идею формирования «общества созидателей».

К составной части новой реальности в России можно отнести то, что «генеральным трендом пространственного развития отечественной экономики является рост и абсолютное преобладание числа стагнирующих регионов». На это указывает группа авторов статьи «Тренды развития российских регионов» [5, с. 13]. Существование такого положения они связывают с недостаточными внутренними ресурсами регионов и отсутствием у них долгосрочных трендов развития. Другие авторы обращают внимание на связь кризиса с «масштабным интеллектуальным вызовом, требующим глубокого переосмысливания его причин, механизмов развертывания и путей преодоления» [6, с. 6]. Это значит, что нужны не только финансовые ресурсы, но и соответствующие кадры, технологии и стратегии развития.

Реакцией России на новую реальность должны стать новые приоритеты развития, а именно: профессиональная и нравственно-этическая интеллектуализация населения, развитие элементов зеленой экономики и аддитивных технологий, формирование нового качества жизни людей.

Эффективным способом смягчения негативных воздействий на экономику страны, а в дальнейшем их преодоления должно стать повышение производственно-экономической и социальной значимости территорий, рост их экономической самостоятельности, усиление ориентации на саморазвитие, смещение регулирующих социально-экономических мер с федерального на территориальный уровень.

Именно через эти меры можно усилить адаптивность территориальных социально-экономических систем к вызовам времени и увеличить «капитализацию» (ценность) локальных мест проживания людей.

Расширение экономической самостоятельности регионов и муниципалитетов — лишь часть действий, обеспечивающих переход на новую социально-экономическую модель развития. Другие меры включают решение вопросов собственности, институтов, инноваций, управления, стратегического планирования, образования, науки, обновления отношений бюджетного федерализма.

Содержание экономической самостоятельности территорий (регионов, муниципальных образований)

Рассматривая проблему экономической самостоятельности территорий, следует выделить в ней, во-первых, объективные основы ее существования и, во-вторых, необходимость изменения уровня экономической самостоятельности территорий под влиянием внешних и внутренних факторов.

Объективной основой существования экономической самостоятельности территорий является наличие территориального разделения труда, которое предполагает, с одной стороны, специализацию регионов и муниципальных образований на изготовлении определенных продуктов, с другой стороны, наличие между ними тесных экономических связей.

Поскольку каждая территория внутри государства законодательно оформляется, то она приобретает вид административно-территориальной единицы. Такие единицы наделяются органами власти, то есть обладают как административными правами и обязанностями, так и экономическими функциями, в том числе по распоряжению частью добавленной стоимости. Следовательно, административно-территориальные единицы не только сосредотачивают у себя часть добавленной стоимости (другая ее часть идет на нужды всего общества), но и расходуют ее на свои нужды. В связи с этим возникает экономическое обособление

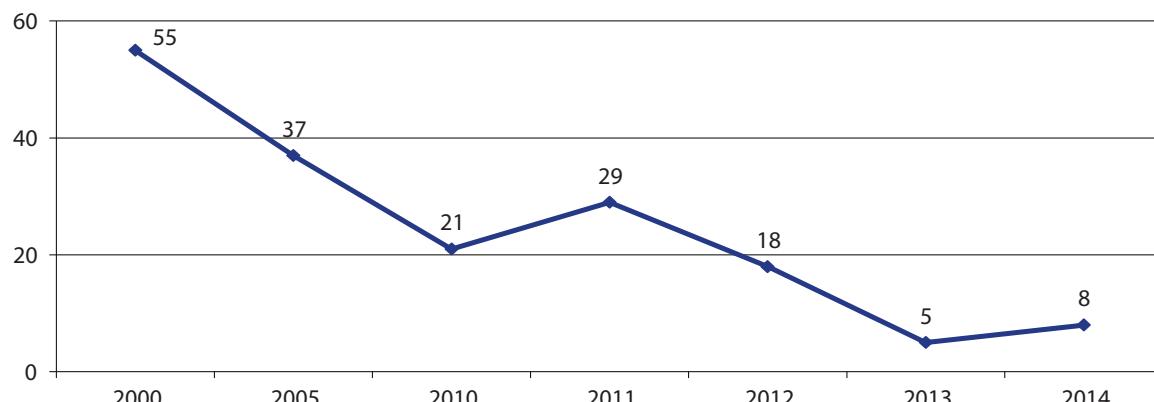
территорий, выражющееся в их экономической самостоятельности.

Понятия «административно-территориальная единица» и «экономическая самостоятельность территории» не являются синонимами. Административно-территориальные единицы могут существовать даже при нулевой экономической самостоятельности, то есть на правах государственного департамента, «цеха» или иного подразделения государства. В свою очередь, экономическая самостоятельность территории не может иметь места при отсутствии административно-территориальных единиц.

Экономическая самостоятельность территории может рассматриваться в двух аспектах. Первый из них связывает экономическую самостоятельность территории с эффективным использованием территориальной собственности (государственной и муниципальной). Согласно статьям 214 и 215 Гражданского кодекса РФ, она включает имущество, закрепленное за соответствующими предприятиями и учреждениями, а также средства соответствующего бюджета и иное имущество, не закрепленное за государственными или муниципальными предприятиями и учреждениями, что составляет казну субъекта РФ или муниципальную казну¹. В данном случае территория выступает как субъект хозяйственной деятельности в виде своеобразной корпорации. Исходя из этого, территориальное развитие можно рассматривать как «процесс сбалансированного и эффективного использования природно-ресурсного, материально-технического и человеческого потенциалов» [7, с. 41], то есть как рационализацию создания и умножения материальных благ.

Второй аспект рассмотрения экономической самостоятельности территории связан с тем, что территория не может ограничивать себя только ролью создателя материальных ценностей. Она должна служить развитию человека. Поэтому главной характеристикой экономической самостоятельности территории является не только приумножение ее материального богатства, выраженного в показателях валового регионального продукта (ВРП), но и приращение качества благосостояния людей и развитие личности каждого в профессиональном и духовном отношении. Даный подход базируется на том, что мы под территорией понимаем «любое пространство жизнедеятель-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Принят Государственной Думой 21 октября 1994 года (последняя редакция: Федеральный закон от 13.07.2015 № 268-ФЗ).

Рис. Динамика изменения количества регионов-доноров в РФ за период 2000–2014 гг.

ности людей, на котором осуществляется развертывание системы знаний и нравственно-культурных ценностей путем использования существующих элементов национального богатства, а также воспроизводства и развития человеческих личностей» [9, с. 7].

Для реализации функции развития личности каждая территория должна иметь возможность, во-первых, сохранять у себя основную часть валовой добавленной стоимости, полученной за счет деятельности ее населения, во-вторых, при ее использовании действовать исходя из интересов местного сообщества, а не по принуждению извне. Без соблюдения этих двух условий происходит необоснованное перераспределение богатства одних территорий в пользу других.

Глубинная причина недостаточного использования добавленной стоимости, созданной местным населением и на его же нужды, коренится в сформировавшейся экономической политике государства, состоящей в неявном (скрытом) централизованном регулировании территориальных отношений. Поскольку такая политика проводится через определенные институты, то корни проблем успешного или неуспешного развития территорий следует искать в качестве создаваемых институтов.

Говоря о расширении экономической самостоятельности территорий, мы не сводим его к повышению самоизоляции регионов и муниципальных образований или к усилению их экономического суверенитета. Мы не говорим об установлении экономических препятствий между территориями для перелива товаров, капиталов и рабочей силы, а утверждаем, что значительная часть дохода от производства товаров и услуг, созданного местным населением, должна оставаться в самостоятельном распоряжении региональных и муниципальных органов власти и идти на повышение благосостояния жителей территории.

Мы рассматриваем экономическую самостоятельность территорий как эффективный способ включения коллективного разума в жизнедеятельность всего национального сообщества.

Динамика степени экономической самостоятельности территорий

Степень экономической самостоятельности территорий постоянно меняется. Она зависит от институтов, регулирующих меры финансовой и налоговой политики, проводимой в стране. Для подтверждения этого тезиса приведем данные о динамике регионов-доноров. За базу расчетов взято соотношение доходов и расходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации, которые в, соответствии с Бюджетным кодексом РФ (ст. 6), включают бюджет субъекта РФ и свод бюджетов муниципальных образований, входящих в его состав (без учета межбюджетных трансфертов между ними).

Уменьшение экономической самостоятельности территорий проявляется в снижении количества регионов, доходы консолидированных бюджетов которых превышают их расходы (рис.). Здесь и далее расчеты проведены на основе статистических источников¹.

Как видно на графике, в 2000 г. в России было 55 регионов-доноров, в 2005 г. – 37, в 2010 г. – 21. В 2011 г. произошло увеличение до 29 единиц. Затем в 2012 г. (18) и 2013 г. (5) шло понижение. В 2014 г. в стране стало 8 регионов-доноров.

Снижение количества регионов-доноров не является следствием уменьшения объемов производимого валового регионального про-

¹ Рассчитано на основе: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: стат. сб. / Росстат. — М., 2007. — С. 826–834; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. — М., 2015. — С. 1020–1039.

дукта (ВРП). Они продолжают расти не только в текущих, но и в сопоставимых ценах. Кроме того, доля конечного потребления домашних хозяйств на территории субъекта РФ по отношению к созданному валовому региональному продукту также остается на высоком уровне. По Свердловской области она в 2005 г. составляла 77,73 %, а в 2013 г. поднялась до 87,69 %. В Челябинской области эти цифры равнялись соответственно 67,06 % и 88,02 %. Эти данные показывают, что регионы не стали меньше потреблять, но в организации использования заработанных средств увеличилась зависимость от воли вышестоящих органов власти.

Механизм уменьшения количества регионов-доноров состоит не в абсолютном снижении величины средств, остающихся на территории в виде налогов, сборов и иных отчислений, а в задержке их роста при одновременном увеличении доли безвозмездных поступлений, идущих из федеральных источников, что ведет к сжатию экономической самостоятельности регионов.

Проиллюстрируем этот тезис на примере консолидированных бюджетов регионов Уральского федерального округа. В промышленно развитой Свердловской области в 2000 г. доля безвозмездных поступлений в совокупный консолидированный бюджет составляла 1,81 %, в 2005 г. — 6,13 %, в 2010 г. — 15,25 %, в 2014 г. — 10,12 %. Получается, что за 14 лет она выросла в 5,59 раза.

Аналогичные процессы с изменением доли безвозмездных поступлений в совокупный консолидированный бюджет происходили в Челябинской области. Там в 2000 г. она равнялась 3,76 %, в 2005 г. — 9,47 %, в 2010 г. — 21,90 %, в 2014 г. — 17,66 %. Рост за 14 лет составил 4,69 раза.

В Курганской области, которая является преимущественно сельскохозяйственной и много лет получает помощь из федерального центра, доля безвозмездных поступлений в совокупный консолидированный бюджет составляла в 2000 г. 23,71 %, в 2005 г. — 48,63 %, в 2010 г. — 47,25 %, в 2014 г. — 40,78 %. Здесь общий рост за 14 лет составил 1,72 раза.

Следует заметить, что снижение безвозмездных поступлений в совокупные консолидированные бюджеты областей в 2014 г. было связано не с изменением финансовой политики в отношении регионов, а с общими экономическими проблемами в стране. Это подтверждается данными и по России в целом, где доля безвозмездных поступлений в совокупный консолидированный бюджет регио-

нов страны в 2000 г. равнялась 9,54 %, в 2005 — 14,74 %, в 2010 — 23,12 %, а в 2014 — 19,41 %.

Социально-экономическое расслоение территорий России

В нашей стране проблема экономической самостоятельности территорий смыкается с проблемой расслоения территорий в социально-экономическом отношении. Следствием этих процессов становится не только миграция населения из депрессивных поселений, но и запустение обширных жизненных пространств, перетекание совокупного богатства в крупнейшие города и более развитые в промышленном отношении регионы и муниципальные образования.

В мировой научной литературе проблема неравенства рассматривается как расслоение общества по доходам, во-первых, регионов внутри стран, во-вторых, стран между собой. В связи с большими пространствами российского государства для нас важной является также проблема социально-экономического расслоения (неравенства) территорий (регионов и муниципальных образований) страны.

Одним из основных показателей расслоения территорий России, то есть их неравенства, является валовой региональный продукт на душу населения (табл. 1).

Разница в величине валового регионального продукта (ВРП) на душу населения по субъектам РФ с наибольшим показателем (Чукотский автономный округ) и наименьшим (Республика Ингушетия) составляла в 2000 г. 4,6 раза, а в 2013 г. поднялась до 9,2 раза. Вместе с тем величина ВРП существенно различается и по соседним территориям. Между Москвой и Московской областью она составляла в 2000 г. 4,9 раза, а в 2013 — 2,7 раза. Две соседние области — Свердловская и Курганская — по ВРП на душу населения отличались в 2 раза.

Неравномерность развития регионов Российской Федерации можно увидеть также на примере дифференциации среднедушевых денежных доходов и расходов населения. Как показывают данные таблицы 2, в целом по России среднемесячный доход на одного человека в 2014 г. составлял 27755 руб. Но по субъектам Федерации он колебался от 67687 руб. в Ненецком автономном округе до 12309 руб. в Республике Калмыкия, то есть различался в 5,5 раза. При этом наблюдается дифференциация не только между отдаленными территориями, но соседними, в том числе высокоразвитыми. Так, жители Московской области имели среднедушевой доход в 1,56 раза меньше, чем

Таблица 1

Дифференциация валового регионального продукта на душу населения по субъектам РФ в 2000 и 2013 гг.*

Субъект РФ	2000 г.		2013 г.	
	Валовой региональный продукт на душу населения, руб.	Дифференциация по региональному продукту на душу населения	Валовой региональный продукт на душу населения, руб.	Дифференциация по региональному продукту на душу населения
Российская Федерация	42902,1		376383,0	
Чукотский автономный округ	56760,6	4,6 раза	927403,5	9,2 раза
Республика Ингушетия	12271,6		100910,7	
г. Москва	151594,1	4,9 раза	965842,7	2,7 раза
Московская область	30976,2		359799,4	
г. Санкт-Петербург	43848,3	1,3 раза	491449,5	1,2 раза
Ленинградская область	35223,4		394189,0	
Свердловская область	36094,1		367331,1	
Курганская область	17912,0	2,0 раза	187361,2	2,0 раза

* Составлено на основе: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003 : стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003. С. 321–322; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015 : стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 478–479.

Таблица 2

Дифференциация среднедушевых денежных доходов и расходов населения в месяц в 2014 г. по субъектам РФ*

Субъект РФ	Среднедушевой денежный доход (в месяц), руб.	Дифференциация по доходам, разы	Среднедушевой денежный расход (в месяц), руб.	Дифференциация по расходам, разы
Российская Федерация	27755		27688	
Ненецкий автономный округ	67687	в 5,5раза	33697	в 3,4раза
Республика Калмыкия	12309		9917	
г. Москва	54921	в 1,56 раза	63693	в 2,1 раза
Московская область	34608		30624	
г. Санкт-Петербург	34758	в 1,64 раза	39632	в 1,91 раза
Ленинградская область	21243		20689	
Свердловская область	32036	в 1,7 раза	32183	в 1,87 раза
Курганская область	18884		17211	

* Составлено на основе: Россия в цифрах. 2015. Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 40–47.

жители Москвы. Различие доходов населения Ленинградской области и Санкт-Петербурга составляло 1,64 раза. В Свердловской области доходы жителей были выше, чем в соседней Курганской области, в 1,7 раза.

Более точный измеритель неравенства территорий — уровень среднедушевых денежных расходов. Так, если взять вышеупомянутый перечень субъектов РФ и посмотреть на него с позиции расходов населения, то увидим несколько иную картину. Оказывается, что, во-первых, уровень жизни в Ненецком автономном округе не в 5,5 раза выше, чем в Республике Калмыкия, а лишь в 3,4 раза. Во-вторых, если судить по расходам, то уровень жизни в Москве более значительно превы-

шает уровень жизни в Ненецком автономном округе (33697 руб. и 63693 руб.), чем это первоначально представлялось по доходам (67687 руб. и 54921 руб.). В-третьих, крупные города и промышленные регионы по расходам превышают показатели по доходам соседних территорий. Это связано с тем, что в индустриально и финансово развитых территориях население более активно использует привлеченные средства и сбережения для дополнительного удовлетворения своих потребностей. Например, в 2014 г. в Ненецком автономном округе сумма привлеченных средств и израсходованных сбережений в общем объеме располагаемых ресурсов в среднем на одного члена домашнего хозяйства составляла в месяц 1,3 %, в Москве

— 5,4 %, в Свердловской области — 10,9 %, а по Российской Федерации в целом — 11,3 %¹.

Неравномерность доходов характерна также и для муниципальных образований, находящихся внутри региона. Так, в пределах Свердловской области в 2014 г. различия между самой высокой среднемесячной начисленной заработной платой в муниципальных образованиях (городской округ Пелым — 44892,8 руб.) и самой низкой (муниципальное образование Красноуфимский округ — 17767,3 руб.) составляла 2,53 раза. Причем различия в величине среднемесячной заработной платы наблюдались не только по территориям, отдаленным друг от друга, но и между пограничными муниципальными образованиями, близкими в транспортном и производственно-технологическом отношении. Например, Камышловский городской округ и Камышловский муниципальный район раньше входили в одно административное образование, то есть территориально они очень близки, а среднемесячные зарплаты в них разные. В 2014 г. среднемесячная зарплата в Камышловском городском округе составляла 27580,8 руб., а в Камышловском муниципальном районе — 22009,0 руб., то есть различалась в 1,25 раза. Аналогичная ситуация и в таких соседних муниципальных образованиях, как город Каменск-Уральский (28633,0 руб.) и Каменский городской округ (22680,7 руб.) — среднемесячная зарплата в них отличалась в 1,26 раза. Существенные различия в среднемесячной заработной плате имеются между крупными городами Свердловской области. В Екатеринбурге (40224,8 руб.) она была выше, чем в Нижнем Тагиле (30817,7 руб.) в 1,3 раза, а по сравнению с Каменском-Уральским (28633,0 руб.) — выше в 1,4 раза².

Из сказанного следует важный вывод, что наличие экономического неравенства территорий является объективным фактом и не зависит от выбора измерителей.

Следствие расслоения (неравенства) территорий

Главным следствием расслоения (неравенства) территорий является сдерживание их социально-экономического развития. На это указывают ведущие ученые мира. Так, нобе-

левский лауреат по экономике (2008 г.) Пол Кругман в работе «Кредо либерала» (2008 г.) на примере ста лет истории США показал, что значительная экономическая поляризация в обществе ведет к ожесточенности и не-примиримости сторон по вопросам государственного регулирования, налогообложения и антимонопольного законодательства. По его мнению, неравенство становится фактом саморазрушения общества и экономики. Он пишет, что «резкое неравенство наносит ущерб обществу и демократии ... разъедает социальные отношения и политику, ... оказывает резко отрицательное воздействие на образ жизни людей» [9, с. 263–265]. Такой взгляд на неравенство разделяет американский учёный Роберт Б. Райх. В работе «Послешок. Экономика будущего» (2010 г.) он пишет, что рост экономического неравенства в совокупности с нестабильностью ведет экономику к упадку [10, с. 7].

Нобелевский лауреат по экономике (2001 г.) Джозеф Стиглиц в работе «Цена неравенства» (2013 г.) отметил, что «во всем мире растет беспокойство, вызванное умножением неравенства и ограничением возможностей», что «основной темой последних исследований становится связь политики и неравенства». Он показал, что такое распределение доходов тормозит развитие экономики путем ограничений получения средним классом и бедняками лучшего образования и медицинского обслуживания. Большую роль в увеличении неравенства играет правительство через механизмы формирования рынка и осуществления инноваций. Джозеф Стиглиц пишет: «Политика прямо влияет на инновации. Нельзя считать неизбежным, что инновации связаны лишь с новыми умными технологиями» [11, с. 11, 49, 121].

Проблему неравенства рассматривает французский экономист Томас Пикетти в популярной работе «Капитал в XXI веке» (2013 г.). На основе анализа обширного статистического материала он пришел к ряду выводов: «капитализм автоматически создает нетерпимое, произвольное неравенство», «история распределения богатства всегда имеет большую политическую подоплеку и не может сводиться к одним лишь экономическим механизмам», «динамика распределения богатства запускает мощные механизмы, которые движутся попаременно то в сторону сближения, то в сторону расхождения, и что нет ни одного естественного, произвольного процесса, способного нейтрализовать на долгое время тенденции,

¹ См.: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_102/Main.htm / (дата обращения: 09.12.2015 г.).

² Свердловская область в 2010–2014 годах : стат. сб. / ТERRITORIALNYIY ORGAN FEDERAL'NOY SLUZHBY GOSUDARSTVENNOY STATISTIKI PO SVERDLOVSKOY OBLASTI. Ekaterinburg, 2015. C. 221–222.

ведущие к дестабилизации и неравенству» [12, с. 20, 39–40].

Лауреат Нобелевской премии по экономике (2015 г.) англо-американский экономист Ангус Дитон (Angus Deaton) в работе «Великий побег» (2013 г.) показал, что «неравенство часто бывает одним из последствий прогресса» и что «неравенство, в свою очередь, оказывает воздействие на прогресс. И такое воздействие может быть благоприятным» [13, с. 17], поскольку вызывает у других стремление наверстать упущенное.

Индийский экономист Каушик Басу уделяет особое внимание экономическому неравенству между странами. Он пишет: «В Норвегии доход на душу населения составляет 43400 долл., а в Эфиопии и Бурунди – 90 долл. С поправкой на паритет покупательной способности, цифры несколько сблизятся, но разрыв все равно будет огромным. Среднестатистический норвежец будет приблизительно в шестьдесят раз богаче среднестатистического бурундийца, даже с поправкой на покупательную способность» [14, с. 308–309].

Проблемы неравенства социально-экономического развития пространств рассматриваются также в исследованиях многих российских экономистов. Можно выделить работы А. В. Молодчика [15], Г. А. Гершанока [16], А. С. Суспицина [17].

Как видим, ведущие экономисты сходятся во мнении, что высокая дифференциация доходов населения становится тормозом общественного прогресса, поскольку вызывает и у богатых и у бедных консерватизм в экономическом поведении. Американский экономист Т. Веблен (1857–1929 гг.) утверждал, что «люди нищенски бедные и те, чьи силы поглощает повседневная борьба за пропитание, консервативны потому, что не могут позволить себе позаботиться о послезавтрашнем дне; точно так же, как очень богатые люди консервативны потому, что у них мало оснований быть недовольными той ситуацией, какая имеется на сегодняшний день» [18, с. 212].

Угроза возникновения в России «региональной периферийной экономики»

Следствием сжатия экономической самостоятельности регионов становится снижение инициативы территориальных руководителей, направленной на развертывание местной деятельности, способствующей зарабатыванию денежных средств. Результатом такого долговременного процесса может стать понижение интеллектуально-технологического развития

территории, что приведет к возникновению так называемой «региональной периферийной экономики».

Теория «периферийной экономики» была предложена в 1950-х гг. аргентинским экономистом Раулем Прешибем (1901–1986 гг.) для объяснения проблем экономического развития стран третьего мира, в частности Латинской Америки. Она использовалась наряду с концепциями «зависимое развитие» и «периферийный капитализм». Ее содержание изложено обширной зарубежной и отечественной литературе [19–21]. Основными свойствами периферийной экономики (периферийного капитализма) были зависимость технического прогресса от индустриальных стран, аграрно-сырьевая характер развития, слабая диверсификация производства, неразвитый внутренний рынок, низкий уровень жизни населения. Теория периферийной экономики исходила из понимания мирового хозяйства как комбинации центров (индустриально развитых стран), генерирующих идеи, и периферии (развивающихся стран) как их потребителя.

Исследователи периферийной экономики характеризовали ее как тупиковый вариант развития, поскольку в противоположность реальному новаторскому капитализму, «периферийный в своей сущности имитационен» [22, с. 164], так как развивает сферы обмена и потребления, подобно развитым странам, но не формирует собственную сферу производства на новой технологической основе.

Но к 1990-м гг. мнение о периферийности экономики развивающихся стран было преодолено экономической либерализацией и открытостью по отношению к мировой экономике. Видные современные экономисты считают, что недоразвитость связана не с внутренними пороками капитализма, а с низкой степенью его развития в этих странах. Так, современный перуанский экономист Эрнандо де Сото писал: «Я не являюсь ярым сторонником капитализма. Для меня капитализм – это не основа мировоззрения и не символ веры. Для меня намного важнее свобода, сострадание к бедным, уважение к общественному договору и равенство возможностей. Но в настящее время только капитализм может помочь в достижении этих целей. Это единственная известная нам система, позволяющая в значительном объеме создавать прибавочный продукт» [23, с. 230]. Анализируя отход развивающихся стран от концепции периферийной экономики, американский философ и со-

циолог Фрэнсис Фукуяма отмечал, что для них «новым лозунгом стали слова „приватизация” и „свободная торговля” вместо „национализация” и „замещение импорта”» [24, с. 84].

Хотя концепция «периферийной экономики» относится к межгосударственным отношениям, но отдельные ее положения могут быть применимы к объяснению неравномерности развития территорий внутри России в связи с ее обширным географическим расположением и разнообразными экономическими условиями и могут характеризоваться как «региональная периферийная экономика».

Общее в свойствах периферийной экономики развивающихся стран и российских регионов состоит в зависимости периферии от центра, что снижает местную инициативу, потребность в интеллектуально развитых кадрах и ведет к торможению технологического уровня развития территорий. Особенности протекания процессов периферийной экономики в нашей стране состоят в том, что все российские территории (как слаборазвитые, так и высоко-развитые) вынуждены строить свое экономическое развитие под воздействием федерального центра, который путем регулирования количества поступающих в регионы денежных средств делает их экономическое развитие крайне зависимым от конъюнктуры федеральных властей.

Преодоление угроз развертывания в России «региональной периферийной экономики» состоит в расширении экономической самостоятельности территорий и реализации в них мер по интеллектуализации населения и развитию научно-технических производств.

Рождение отечественных мер по недопущению «региональной периферийной экономики»

В 1980-е гг. отечественные экономисты и политики приступили к разработке мер по недопущению в стране «региональной периферийной экономики». Хотя таким термином они специально не пользовались, но фактически речь шла о решении именно данной проблемы. Ученые обосновывали необходимость создания условий для развития экономической самостоятельности территорий путем формирования у них собственной доходной базы и научно-технических производств.

Директивными органами страны был намечен «переход от преимущественно административных к экономическим методам руководства на всех уровнях, к управлению инте-

ресами и через интересы, к широкой демократизации управления, всемерной активизации человеческого фактора» [25, с. 84]. При этом делалась попытка скоординировать деятельность предприятий с экономическим развитием территории. Так, в пункте 4 статьи 9 Закона о государственном предприятии (объединении), указывалось, что предприятия должны активно участвовать «в формировании местного бюджета по установленным нормативам»¹. На этой основе ставилась задача увязать доходы местных бюджетов с объемом создаваемого в соответствующем регионе чистого дохода и соизмерять вложения в экономику каждого региона с ее отдачей для народного хозяйства страны.

Поиск вариантов научно-технического саморазвития территорий и обеспечения их самоокупаемости вылился в идею формирования регионального (территориального) хозрасчета. В 1987 г. Институт экономики УНЦ АН СССР выполнил научно-исследовательскую работу «Теоретические и методологические проблемы совершенствования планирования и управления региона», где был раздел «Разработка основных направлений становления и развития хозрасчетных отношений на региональном уровне управления». Научным руководителем исследования был д. э. н. А.И. Татаркин, а ответственным исполнителем – Е.Н. Садоматникова (Е.Н. Сидорова). В исследовании отмечалось, что «хозрасчетные отношения на региональном уровне управления основываются на установлении зависимости между результатами деятельности, достигнутыми на определенной территории, и созданием на ней условий для проживания населения и развития производственно-хозяйственного комплекса (курсив мой – В. Б.)». В этой работе были высказаны идеи по поводу организации территориального финансово-планирования как части территориального народнохозяйственного планирования путем изменения схемы отчислений в бюджет на основе установления принципов стабильности и долговечности нормативов. При этом «сводный финансовый план территории должен составляться по балансовому методу «ресурсы – использование» с их структурной дифференциацией по источникам и направлениям» [26, с. 36, 55]. Ведущей идеей территориального хозрасчета с точки зрения рас-

¹ О государственном предприятии (объединении). Закон СССР от 30 июня 1987 г. // О коренной перестройке управления экономикой. Сб. документов. М.: Политиздат, 1987. С. 22.

пределения полученных доходов было предложение об их направлении на повышение качества трудовых ресурсов и развитие отраслей местного хозяйства, связанных с обслуживанием населения. Высказывалось мнение об установлении полной ответственности регионов за развитие непроизводственной сферы.

Практическая отработка механизма регионального (территориального) хозрасчета была предусмотрена законом «О государственном плане экономического и социального развития СССР на 1989 год». В нем намечалось проведение в Белоруссии, Латвии, Литве, Эстонии, Татарской АССР, Свердловской области и городе Москве экономического эксперимента по перестройке руководства народным хозяйством на принципах территориального самоуправления и самофинансирования.

Исследование проблем саморазвития территорий и территориального хозрасчета, проводившееся в Институте экономики УрО АН СССР в 1980-е гг., вылилось в ряд публикаций, в том числе в коллективную монографию «Региональная экономика: новый характер территориальных отношений» (1990). Анализируя источник финансирования социально-экономического развития территории, авторы писали, что «действующая система формирования финансовых ресурсов региона не отвечает требованиям хозрасчетного механизма территориального управления. Она не только не создает заинтересованности местных органов в повышении эффективности региональной экономики, ...но противоречит основам рационального хозяйствования». Далее отмечалось, что «отсутствие заинтересованности местных органов управления в развитии собственной доходной базы привело к сокращению ее доли в общей сумме поступлений в бюджет». Исходным условием развития хозрасчета территорий авторы называли его связь с хозяйственным расчетом предприятий и организаций. Они писали, что «без полного хозяйственного расчета первичного звена общественного производства не может быть хозрасчета территории» [27, с. 109, 110, 158].

Работа по обоснованию путей и методов саморазвития территорий продолжается и в настоящее время. Одной из крупных публикаций в этом направлении явился 2-томный труд «Саморазвивающиеся социально-экономические системы: теория, методология, прогнозные оценки», вышедший в 2011 г. [28].

Современные способы повышения экономической самостоятельности территорий и недопущения «региональной периферийной экономики»

Поскольку основные способы повышения экономической самостоятельности территорий и недопущения «региональной периферийной экономики» совпадают с основными мерами по росту эффективности производства в регионах и муниципальных образованиях, что изложено во многих научных публикациях, то мы остановимся лишь на их обозначении, но без специальной аргументации. Эти меры направлены на преодоление главного противоречия в развитии территорий — между относительно благополучным их текущим состоянием и одновременно появляющейся деградацией отраслевой и территориальной структуры производства, которая в будущем приведет к негативным последствиям.

Мы исходим из того, что в условиях новой российской реальности меняется содержание экономического пространства. Оно выступает не только как место размещения производительных сил, сколько как сфера экономического благополучия живущих в нем людей. Главным критерием успешности развития территории является удовлетворенность жизнью (экономическое счастье) [29]. Поэтому в центре мер по расширению экономической самостоятельности территорий должно находиться повышение качества образования и профессиональной грамотности работников. Это определяется тем, что основным двигателем развития пространств является социальный прогресс, где человек становится неиссякаемым источником благополучия.

В новой реальности профессиональная и управленческая интеллектуализация перестала быть частью жизни людей и превратилась в саму жизнь. Отсюда вытекает необходимость осуществления непрерывного образования. Оно выступает формой социальной защиты людей, поскольку ориентировано не столько на сохранение прежних рабочих мест, сколько на сбережение людей-работников путем создания для них гибких условий к перемене труда.

При этом на территории следует выделить два ведущих направления проведения обучения. Первое — это формирование высококвалифицированной рабочей силы, способной не только монтировать и эксплуатировать технологически новое оборудование, но и при необходимости создавать его. Второе — повышение профессиональной грамотности региональных

и муниципальных служащих. Нельзя предполагать, что они автоматически наделены даром технологического озарения в отношении исполнения переданных им функций и всегда самостоятельно найдут «единственно правильные технологии» реализации указаний.

Важным способом обеспечения экономической самостоятельности территорий является развитие внутреннего рынка. Оно должно идти путем увеличения выпуска местной продукции, расширения местных кооперационных связей и синхронизации инвестиций в различные отрасли экономики.

Территориям следует не ограничиваться копированием мер экономического развития, а создавать собственные оригинальные платформы. Заимствование чужого опыта должно быть не стилем жизни, а лишь этапом в осуществлении преобразований. Постоянное использование того, что не создается коллективным разумом местных жителей и их руководителей, притупляет желание самостоятельного творческого поиска и тем самым превращает людей в инертных исполнителей чужих знаний и желаний. Кроме того, «привозные идеи» не всегда могут подходить местным условиям и соответствовать менталитету населения. Это же относится и к импортозамещению.

Важно не проводить бесконечное косметическое улучшение привычных управлеченческих технологий, а регулярно заменять их новыми. Желание сохранять текущие успешные технологии как можно дольше, поскольку они дают высокие результаты, со временем приведет к «потере темпа» в освоении появившихся новых технологий и к началу отставания в конкурентной борьбе с другими территориями.

Для уменьшения разрыва в социально-экономическом развитии территорий следует усиливать интеграцию регионов путем передачи успешного опыта и налаживания кооперационных производственных связей. Это не только повысит институциональную общность, но и поможет совместному решению социальных и инфраструктурных вопросов.

В стратегии развития территорий особо следует выделять меры по совершенствованию качества регулирующих институтов и стимулирования производственной деятельности, вызываемых технологическими переменами, ведущими к росту производительности труда. Стоит прислушаться к утверждению известного экономиста Владимира Александровича Базарова (1874–1939 гг.), который в работе «Капиталистические циклы и восстановительный процесс в хозяйстве СССР» (1927 г.) писал,

что «хозяйственное развитие измеряется не объемом, а уровнем производительных сил, не валовым продуктом, а производительностью труда» [30].

Социальная психология населения, психологические установки, «вторая невидимая рука рынка» и soft power (мягкая сила) в преодолении вызовов «региональной периферийной экономики»

Новым подходом к развитию экономической самостоятельности в условиях новой реальности (нормальности) является необходимость дополнительного включения в исследовательский и практический процесс социальных и психологических факторов. В методологическом отношении он называется междисциплинарным подходом.

Его важность и нужность определяется тем, что существует зависимость между экономическими интересами и представлениями людей (идеями) по поводу того, что они максимизируют и как используют соответствующие инструменты, чтобы реализовать свои интересы. Американский экономист Дэни Родрик заметил, что «в современных политико-экономических моделях „идеям“ почему-то не уделяется никакого внимания» [31, с. 22]. Однако новая реальность, усложнившая производственные, организационные и финансово-экономические процессы, а также соединившая их с социокультурными отношениями, показывает, что хотя интересы выступают движущей силой экономического поведения людей, они являются лишь мотивом действий, а сами действия определяются теми идеями, которые вырабатывает человек для движения к цели (выгоде, экономическому интересу). Аспекты человеческого поведения, особенно иррационального, рассматривает теория поведенческой экономики. Один из ее сторонников Джордж Акерлоф, нобелевский лауреат (2001), совместно с Робертом Шиллером написал специальную работу о том, как человеческая психология, ее иррациональное начало управляют экономикой [32].

Традиционный подход, базирующийся на управлении людьми и территориями как «факторами производства», то есть как машинами и капиталом, уже является недостаточным. Новая реальность обязывает исследователей и практиков при оценке экономических процессов выходить за пределы экономики (расходы и доходы) и воспринимать людей как личностей. Это означает, что надо учитывать не только социально-экономические перемены,

но и убеждения отдельных людей, коллективное общественное мнение, действия гражданского общества. Включение их в анализ территориального развития необходимо потому, что они в настоящий период становятся неотъемлемой частью общественного прогресса.

Одним из направлений решения вопросов территориального развития на основе идей является использование общественной (социальной) психологии населения, включающей мотивацию, доверие, отношение к человеку как личности и т. д. Учет культуры и исторической памяти в виде обычая, традиций, норм поведения, приверженности местного населения к территориальным ценностям стал неотъемлемой частью территориального поведения людей. Усиление его роли возрастает вместе с развитием информационных технологий, которые повышают коммуникативное воздействие на людей и способствуют переформатированию их взглядов и настроений в вопросах решения социально-экономических проблем. Сила целенаправленного коммуникационного воздействия такова, что под его влиянием общественное мнение может смещаться как в созидательную, так и в разрушительную сторону.

Каждая территория (регион, муниципальное образование) конструирует себя системой социально-экономических и производственно-технических действий и тем самым формирует свою идентичность, которая представляет собой набор свойств, ключевых особенностей, выражающих культурную и социально-психологическую принадлежность к сообществу тех, кто проживает на данной территории. Благодаря их существованию регионы и муниципальные образования отличаются от других территорий или от их адекватной совокупности.

Чтобы территория усиливала и закрепляла свою идентичность, ее руководители должны оформлять ее экономический и социокультурный код в виде определенных документов и действий по его реализации, например, стратегии долговременного развития территории. Ведущим социально-психологическим элементом территории должно стать сознательное формирование ее руководителями общественного мнения на достижение положительного законченного результата. По своему содержанию такие действия руководителей регионов и муниципальных образований представляют собой формирование соответствующей психологической установки, теорию которой разработал известный психо-

лог и философ Дмитрий Николаевич Узнадзе (1886–1950 гг.) в 20–40-гг. XX в. Характеризуя суть психологии установки, он писал, что это есть «некоторое целостное *состояние* (курсив здесь и далее — Н.Д. Узнадзе) субъекта», «которое лучше всего можно было бы характеризовать как *установку* субъекта в определенном направлении», т. е. состояние, предполагающее направленность действий субъекта в определенную сторону и на определенную активность. «Подводя итоги сказанному, — пишет он, — мы можем утверждать, что вскрытые нами феномены самым недвусмысленным образом указывают на наличие в нашей психике не только сознательных, но и досознательных процессов, которые, как выясняется, мы можем характеризовать как область наших *установок*» [33, с. 25, 28].

Применительно к информационной экономике (новой экономике), которая усиливает межличностные коммуникации и стимулирует приобретение тех товаров и услуг, предпочтение которым отдает сформированное общественное мнение, используется термин «вторая невидимая рука рынка». Его предложил профессор А. Долгин, указав, что «в дополнение к знаменитой адамсмитовской руке может включиться параллельный механизм, в основе которого наблюдение не за ценами, а за тем, кто такие товары покупает, для каких целей и с каким эффектом. Этот механизм есть не что иное, как вторая невидимая рука» [34, с. 45]. Как известно, первой невидимой рукой рынка Адам Смит назвал ценовую конкуренцию.

В последние годы появилась еще одна сила, влияющая на содержание общественного мнения и на социальное поведение людей. Она получила название *soft power* (мягкая сила). Данный термин ввел в научный оборот в 1990 г. американский политолог Джозеф Най для характеристики несилового влияния на международные отношения. Его суть он характеризовал так: «Мягкая сила — это способность оказывать влияние на других через поиск союзников, разработку повестки дня, убеждение, создание притяжения в целях достижения предпочтительного результата». Данное определение приведено в обстоятельной монографии Института философии и права УрО РАН, изданной в 2015 г. [35, с. 17–18]. В ней также показано, что в дальнейшем появились расширительные трактовки этого понятия путем включения в *soft power* не только международного, но и внутристранового пространства для создания идей, консолидирующих местное сообщество.

Считаем, что подходы, характерные для *soft power* (мягкой силы), применимы и для формирования положительного общественного мнения при реализации мер по развитию территорий. Конкретными способами воздействия мягкой силы на общественное мнение населения территорий могут стать показ успешных моделей развития экономики, позволявших регионам превратиться в процветающие пространства, и привлекательных схем менеджмента, раскрытие новых возможностей науки и образования в новых условиях, способов повышения качества жизни, передовых управленческих практик.

Обоснованность использования *soft power* (мягкой силы) как созидающей силы по формированию экономической самостоятельности территорий базируется на происходящей в новой реальности смене твердой управленческой иерархии сетевыми структурами. Ведь комплексное видение будущего и понимание роли коллективного разума и коллективной психологии в преобразовании территории эффективно меняет поведение людей. При этом проводникам *soft power* (мягкой силы) важно иметь логически завершенный и практически осуществимый алгоритм действий.

Если руководители регионов и федеральных структур, а также ученые, занимающиеся данной проблемой, не смогут хорошо обосновать и объяснить населению территории преимущества ее экономической самостоятельности, то затеваемый процесс не даст положительных результатов, так как люди будут считать, что за их счет кто-то пытается реализовать какие-то свои интересы.

Понимание людьми общих территориальных выгод от понятых ими и согласованных с ними действий служит базой не только для разрешения социальных конфликтов, но и для умножения усилий местного сообщества по дальнейшему развитию своей территории. Не принуждение, а убеждение людей в полезности преобразований на их территории — в этом формула успеха.

Общий вывод данного раздела состоит в следующем. Для решения проблем экономической самостоятельности территорий необходимо активнее использовать сложившиеся инструменты информационного воздействия на людей: социальную психологию населения, психологические установки, вторую невидимую руку рынка, *soft power* (мягкую силу). Они должны стать такой же мощной силой положительного решения проблем территории, как власть и деньги.

Заключение

Поскольку в современных условиях границы экономической самостоятельности территорий (регионов, муниципалитетов) определяются уровнем политической целесообразности, устанавливаемой центральной властью, то лучшим вариантом обеспечения и укрепления экономической самостоятельности территорий было бы принятие федерального закона о самоокупаемости и саморазвитии территорий Российской Федерации.

Одним из базовых его пунктов было бы положение о регистрации предприятий на той территории, где они непосредственно производят продукцию. Это позволило бы решить проблему обоснованного распределения региональной добавленной стоимости, образующейся на территории, между федеральным бюджетом и региональными бюджетами, а также между региональными и муниципальными бюджетами.

Другое базовое положение должно состоять в распределении финансовых доходов страны на три блока. Первый блок распределения доходов — это обеспечение общегосударственных функций. Он должен базироваться на принципе материальной ответственности территории, то есть на выделении государству согласованно установленной величины финансовых средств на выполнение общегосударственных задач, в т. ч. на оборону страны, предупреждение и преодоление чрезвычайных ситуаций, на образование и здравоохранение, а также на трансферты. Второй блок — это централизованное обеспечение современного технологического развития. В его основе должен находиться принцип обеспечения общественного прогресса. Отдельные элементы такого блока всегда существовали в экономической системе страны. Так, после Великой отечественной войны на предприятиях был фонд освоения новой техники. В период экономической реформы 1960-х гг. создавался фонд развития производства. Но эти фонды создавались на уровне предприятий. Новые реальности и быстрые технологические изменения, происходящие в мире, требуют общегосударственного подхода к обеспечению современного технологического развития путем создания специального общегосударственного фонда технологического развития. Он будет служить источником финансирования приоритетных научных исследований и содержания национальных институтов переподготовки технологических и управленческих кадров. Третий блок — обеспечение развития территорий (регионов и

муниципальных образований). Его существование вызывается принципом материальной заинтересованности местного сообщества, то есть его возможности самостоятельно использовать дополнительно полученные финансовые ресурсы на развитие местной инфраструктуры, на решение социальных проблем, на создание и обслуживание объектов здравоохранения, культуры, детских учреждений.

Пропорции распределения через бюджетно-финансовую систему добавленной стоимости, образующейся на территориях, должны быть такими, чтобы в распоряжении органов власти субъектов РФ оставлялось 60–70 % совокупных доходов страны. Этот же принцип (60–70 %) должен соблюдаться при распределении финансовых доходов, остающихся в регионе и распределяемых

между субъектом РФ и муниципалитетами. Считаем экономически и социально оправданным подход, в соответствии с которым система распределения всех доходов, созданных в государстве, строилась бы на основе использования принципа золотого сечения, который применялся для изящного построения пропорций скульптур и произведений архитектуры в эпоху Леонардо да Винчи.

И последнее. Повышение экономической самостоятельности территорий с помощью нормативно-правовых документов является лишь условием роста благосостояния населения, а причиной выступает инновационная активность самих жителей и их руководителей. При снижении такой активности компенсационная роль экономической самостоятельности территорий будет стремиться к нулю.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта УрО РАН № 15-14-7-2.

Список источников

1. Медведев Д. А. Новая реальность. Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. — 2015. — № 10. — С. 5–29.
2. Гараедаги Дж. Системное мышление. Как управлять хаосом и сложными процессами. Платформа для моделирования архитектуры бизнеса / Пер. с англ. Е. Н. Недбальская; науч. ред. Е. В. Кузнецова. — Минск : Гревцов Букс, 2010. — 480 с.
3. Бухвальд Е. Возможна ли новая философия российского федерализма? // Мир перемен. — 2015. — № 3. — С. 63–77.
4. Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Контуры нового экономического пространства // Вопросы экономики. — 2014. — № 11. — С. 140–155.
5. Тренды развития российских регионов / Валентей С. Л., Бахтизин А. Р., Бухвальд Е. М., Кольчугина А. В. // Экономика региона. — 2014. — № 3. — С. 9–22.
6. May B., Улюкаев А. Глобальный кризис и тенденции экономического развития // Вопросы экономики. — 2014. — № 11. — С. 4–24.
7. Лаженцев В. Н. Содержание, системная организация и планирование территориального развития. Екатеринбург — Сыктывкар: ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН. — 2014. — 236 с.
8. Бочко В. С. Интегративное стратегическое развитие территорий. Теория и методология. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. — 316 с.
9. Кругман П. Кредо либерала / Центр исследований постиндустриального общества; вступ. статья В. Л. Иноzemцева. — М. : Издательство «Европа», 2009. — 368 с.
10. Райх Р. Б. Послешок. Экономика будущего / Пер. с англ. И. Ющенко; предисл. М. Хазина — М.: Карьера Пресс, 2012. — 208 с.
11. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему : пер. с англ. — М. : Эксмо, 2015. — 512 с.
12. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. — М. : Ад Маргинем Пресс. 2015. — 592 с.
13. Дитон А. Великий побег. Здоровье, богатство и истоки неравенства / Ангус Дитон; пер. с англ. А. Гуськова. — М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная миссия», 2016. — 368 с.
14. Басу К. По ту сторону невидимой руки: Основания новой экономической науки / Пер. с англ. А. Апполонова, Т. Котельниковой; под ред. И. Чубарова. — М. : Изд-во Института Гайдара, 2014. — 432 с.
15. Молодчик А. В. Теория и практика саморазвивающейся организации. — Екатеринбург: УрО РАН, 2001. — 248 с.
16. Гершанок Г. А. Формирование системы устойчивого развития локальных территорий на основе оценки социально-экономической и экологической емкости. — М. : Экономика, 2012. — 418 с.
17. Суспицин А. С. Исследование территориальных систем // Регион. Экономика и социология. — 2008. — № 2. — с. 20–48.
18. Веблен Т. Теория праздного класса : пер. с англ. / Вступ. ст. и примеч. С. Г. Сорокиной; Общ. ред. В. В. Мотылева. Изд. 4-е. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. — 368 с.

19. Ярошевский Б. Е. Теория периферийной экономики. — М. : Мысль, 1973. — 214 с.;
20. Буржуазная региональная теория и государственно-монополистическое регулирование размещения производительных сил. — М. : Мысль, 1981. — 251 с.;
21. Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвииш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. — М.: Наука, 1991. — 168 с.
22. Всемирная история экономической мысли : в 6 т. Т. 6. Кн. II. / МГУ им. М. В. Ломоносова. Ред. колл. : В. Н. Черковец (гл. ред.) и др. — М. : Мысль, 1997. — 222 с.
23. Сото Э. де. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / Пер. с англ. Б. Пинскер; науч. ред. Р. Левита — М. : ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004. — 272 с.
24. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. — М.: ACT: ACT МОСКВА: Полиграфиздат, 2010. — 588 с.
25. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 26–26 июня 1987 г. — М.: Политиздат, 1987.
26. Отчет о научно-исследовательской работе «Теоретические и методологические проблемы совершенствования планирования и управления региона». Раздел 3. Разработка основных направлений становления и развития хозрасчетных отношений на региональном уровне управления, (№ гос. регистрации 01.87.0061613). — Свердловск : Институт экономики УНЦ АН СССР, 1987. — 139 с.
27. Региональная экономика. Новый характер территориальных отношений / Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Чичканова, докт. экон. наук А. И. Татаркина. — М.: Экономика, 1990. — 166 с.
28. Саморазвивающиеся социально-экономические системы: теория, методология, прогнозные оценки: в 2 т. / Рос. акад. наук, Урал. отд-ние; под общ. ред. А. И. Татаркина. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», Екатеринбург: УрО РАН, 2011. (Т. 1.: Теория и методология формирования саморазвивающихся социально-экономических систем. — 308 с.; Т. 2.: Проблемы ресурсного обеспечения саморазвития территориальных социально-экономических систем. — 387 с.).
29. Бочко В. С. Теория экономического счастья человека. Необходимость формирования и направления поиска // Журнал экономической теории. — 2012. — № 4. — С. 7–18.
30. Базаров В. А. Капиталистические циклы и восстановительный процесс в хозяйстве СССР. — М.-Л. : Государственное издательство, 1927. — 168 с.
31. Родрик Д. Когда идеи важнее интересов. Предпочтения, взгляды на мир и инновации в экономической политике // Вопросы экономики. — 2015. — № 1. — С. 22–44.
32. Акерлоф Дж., Шиллер Р. *Spiritus Animalis*, или как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма / пер. с англ. Д. Прияткина; под научн. ред. А. Суворова; вступ. ст. С. Гуриева. — М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010. — 273 с.
33. Узнадзе Д. Н. Психология установки. — СПб. : Питер, 2001. — 416 с.
34. Долгин А. Манифест новой экономики. Вторая невидимая рука рынка. — М.: ACT, 2010. — 224 с.
35. Soft power. Теория. Ресурсы. Дискурс / под ред. О. Ф. Русаковой. — Екатеринбург : Издательский дом «Дискурс-Пи», 2015. — 376 с.

Информация об авторе

Бочко Владимир Степанович — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ, заместитель директора института по научным вопросам, руководитель центра стратегического развития территорий, Институт экономики УрО РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: vbochko@mail.ru)

For citation: Ekonomika regiona [Economy of Region]. — 2016. — Vol. 12, Issue 2. — pp. 342–358

V. S. Bochko

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: vbochko@mail.ru)

Regions' Economic Autonomy in the New Reality

The paper discloses the understanding of new reality (normality) for Russia that consists in the strengthening of the role of a man-personality and in the expansion of the economic autonomy of the territories in their interaction with the federal center. The rationale is based on a hypothesis according to which in the conditions of new reality, the increase of the well-being of the population and the overcoming of economic inequality between the territories are provided by the expansion of their economic independence as it leads to the increase of their intellectual, engineering and manufacturing potential. In the research, the author used the basic concepts of the classical economic theory, the theory of behavioural economics, interdisciplinary approach and statistical grouping method. The dynamics of the economic independence of the territories, which is manifested in the decrease in a number of donor regions and the socio-economic dividing of the territories, is shown. The assumption is proved that the consequences of the territorial stratification are the restraining of the growth of their socio-economic development and possibility probable emergence of «regional peripheral economy» with the property of the dependence of the periphery on the center, the decrease in a local initiative, the inhibition of technological development. The need to use the social psychology of the population, the psychological sets of economic development, «the second invisible hand of the market» and soft power to overcome the «regional peripheral economy» is revealed. The result of the research is the proof that the expansion of the economic

independence of the territories is not only the increase of the self-isolation of regions and municipalities, but also the need to save the considerable part of the income from the production of goods and services created by the local population under control of the regional and municipal authorities and direct it to the increase of the well-being of the population of the territory. The idea of creating the legal document to provide and strengthen the economic independence of territories is offered; the suggestions on the principles of its contents and structuring are stated.

Keywords: new reality (normality), economic independence of regions, municipality, federal center, well-being of the population, the consolidated budget, socio-economic stratification of territories, regional peripheral economy, psychological sets for economic development, soft power

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the project by the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences № 15-14-7-2.

References

1. Medvedev, D. A. (2015). Novaya realnost. Rossiya i globalnyye vyzovy [New reality. Russia and global challenges]. *Voprosy ekonomiki [Questions of Economy]*, 10, 5–29.
2. Gharajedaghi, J. (2010). *Sistemnoye myshlenie. Kak upravlyat khaosom i slozhnymi protsessami. Platforma dlya modelirovaniya arkhitektury biznesa [Systems thinking: managing chaos and complexity: a platform for designing business architecture]*. Trans. from English by E. N. Nedbalskaya; In: E. V. Kuznetsov (Ac. ed.). Minsk: Grevtsov Buks Publ., 480.
3. Bukhvald, E. (2015). Vozmozhna li novaya filosofiya rossiyskogo federalizma? [Whether the new philosophy of the Russian federalism is possible?]. *Mir peremen [The world of change]*, 3, 63–77.
4. Evstigneeva, L. & Evstigneev, R. (2014). Kontury novogo ekonomiceskogo prostranstva [Contours of new economic space]. *Voprosy ekonomiki [Questions of economy]*, 11, 140–155.
5. Valentey, S. L., Bakhtizin, A. R., Bukhvald, E. M. & Kolchugina, A. V. (2014). Trendy razvitiya rossiyskikh regionov [Development trends for the Russian regions]. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 3, 9–22.
6. Mau, V. & Ulyukaev, A. (2014). Globalnyy krizis i tendentsii ekonomiceskogo razvitiya [Global crisis and tendencies for economic development]. *Voprosy ekonomiki [Questions of economics]*, 11, 4–24.
7. Lazhentsev, V. N. (2014). *Soderzhanie, sistemnaya organizatsiya i planirovanie territorialnogo razvitiya [Contents, system organization and planning of territorial development]*. Ekaterinburg — Syktyvkar: ISEiEPS Komi NTs UrO RAN Publ., 236.
8. Bochko, V. S. (2010). *Integrativnoye strategicheskoye razvitiye territoriy. Teoriya i metodologiya [Integrative strategic development of territories. Theory and methodology]*. Ekaterinburg: IE UB RAS Publ., 316.
9. Krugman, P. (2009). *Kredo liberala [Credo of the liberal]*. Tsentr issledovaniy postindustrialnogo obshchestva; vstup. statyya V. L. Inozemtseva [Center for the research of post-industrial society. Introductory article by V. L. Inozemtsev]. Moscow: Evropa Publ., 368.
10. Reich, R. B. (2012). *Posleshok. Ekonomika budushchego [Aftershock. The next economy]*. Trans. from English by I. Yushchenko; preface by M. Khazin. Moscow: Karera Press, 208.
11. Stiglitz, J. (2015). *Tsena neravenstva. Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu: per. s angl [The price of inequality: how today's divided society endangers our future: trans. from English]*. Moscow: Eksmo Publ., 512.
12. Piketti, T. (2015). *Kapital v XXI veke [Capital in 21 century]*. Moscow: Ad Marginem Press, 592.
13. Deaton, A. (2016). *Velikiy pobeg. Zdorovye, bogatstvo i istoki neravenstva [The great escape: health, wealth, and the origins of inequality]*. Trans. from English by A. Guskova. Moscow: Gaidar Institute Publ.; Liberalnaya missiya Publ., 368.
14. Basu, K. (2014). *Po tu storonu nevidimoy ruki: Osnovaniya novoy ekonomiceskoy nauki [On that side of invisible hand: grounds of new economic science]*. Trans. from English by A. Appolonov, T. Kotelnikova; In: I. Chubarov (Ed.). Moscow: Gaidar Institute Publ., 432.
15. Molodchik, A. V. (2001). *Teoriya i praktika samorazvivayushcheysha organizatsii [Theory and practice of the self-developing organization]*. Ekaterinburg: UB RAS Publ., 248.
16. Gershanok, G. A. (2012). *Formirovanie sistemy ustoychivogo razvitiya lokalnykh territoriy na osnove otsenki sotsialno-ekonomiceskoy i ekologicheskoy emkosti [Formation of the system of a sustainable development of local territories on the basis of an assessment of socio-economic and ecological capacity]*. Moscow: Ekonomika Publ., 418.
17. Suspitsin, A. S. (2008). Issledovanie territorialnykh sistem [The territorial systems' research]. *Region. Ekonomika i sotsiologiya [Region. Economics and sociology]*, 2, 20–48.
18. Veblen, T. (2011). *Teoriya prazdnogo klassa: per. s angl. [The theory of the leisure class]*. Introductory article and comments by S. G. Sorokina; In: V. V. Motylev (Ed.). 4th ed. Moscow: Librokom Publ., 368.
19. Yaroshevskiy, B. E. (1973). *Teoriya periferiynoy ekonomiki [Theory of peripheral economy]*. Moscow: Mysl Publ., 214.
20. Burzhuaznaya regionalnaya teoriya i gosudarstvenno-monopolisticheskoye regulirovanie razmeshcheniya proizvoditelnykh sil [Bourgeois regional theory and state-monopoly regulation of placement of productive forces]. Moscow: Mysl Publ., 251.
21. Gritsay, O. V., Ioffe, G. V. & Treyvish, A. I. (1991). *Tsentri periferiya v regionalnom razvitiu [The center and the periphery in regional development]*. Moscow: Nauka Publ., 168.

22. *Vsemirnaya istoriya ekonomicheskoy mysli: v 6 t. T. 6. Kn. II.* [World history of economic thought: in 6 vol. Vol. 6. B. 2]. Lomonosov MSU. In: V. N. Cherkovets et al (Eds). Moscow: Mysl Publ., 222.
23. De Soto, H. (2004). *Zagadka kapitala. Pochemu kapitalizm torzhestvuyet na Zapade i terpit porazhenie vo vsem ostalnom mire* [The mystery of capital: why capitalism triumphs in the West and fails everywhere else]. Trans. from English by B. Pinsker; In: R. Levit (Ac. ed.). Moscow: Olimp-Biznes Publ., 272.
24. Fukuyama, F. (2010). *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Trans. from English by M. B. Levin. Moscow: AST Publ., Poligrafizdat, 588.
25. *Materialy Plenuma Tsentralnogo Komiteta KPSS, 26 iyunya 1987 g.* [Proceedings of the CPSU Central Committee plenum, June 26, 1987]. Moscow: Politizdat Publ.
26. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote «Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sovershenstvovaniya planirovaniya i upravleniya regiona».* Razdel 3. *Razrabotka osnovnykh napravleniy stanovleniya i razvitiya khozraschetnykh otnosheniy na regionalnom urovne upravleniya, (№ gos. registratsii 01.87.0061613)* [Report on the research work «Theoretical and methodological issues of the regional planning and management improvement». Section 3. Development of the main directions of formation and development of cost-accounting relations at the regional level of management, (No. state. registration 01.87.0061613)]. Sverdlovsk: Institut ekonomiki UNTs AN SSSR Publ., 139.
27. *Regionalnaya ekonomika. Novyy kharakter territorialnykh otnosheniy* [Regional economy. New character of the territorial relations]. In: Chichkanov, V. P. & Tatarrkin, A. I. (Eds). Moscow: Ekonomika Publ., 166.
28. *Samorazvivayushchiesya sotsialno-ekonomicheskie sistemy: teoriya, metodologiya, prognoznye otsenki: v 2 t.* [Self-developing socio-economic systems: theory, methodology, projections: in 2 vol.]. (2011). Ural Branch of RAS. In: A. I. Tatarkin (Ed.). Moscow: Ekonomika Publ., Ekaterinburg: UrO RAN Publ. (T. 1.: Teoriya i metodologiya formirovaniya samorazvivayushchikhsya sotsialno-ekonomicheskikh sistem. — 308 s.; T. 2.: Problemy resursnogo obespecheniya samorazvitiya territorialnykh sotsialno-ekonomicheskikh sistem. — 387 s. [Vol 1: Theory and methodology of the formation of self-developing socio-economic systems, 308 pages. Vol 2: Problems of the resource ensuring of the self-development of territorial socio-economic systems]).
29. Bochko, V. S. (2012). *Teoriya ekonomicheskogo schastya cheloveka. Neobkhodimost formirovaniya i napravleniya poiska* [Theory of economic happiness of a man. The need of formation and search direction]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of economic theory], 4, 7–18.
30. Bazarov, V. A. (1927). *Kapitalisticheskie tsikly i vosstanovitelnyy protses v khozyaystve SSSR* [Capitalist cycles and recovery process in economy of the USSR]. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoye izdatelstvo Publ., 168.
31. Rodrik, D. (2015). *Kogda idei vazhnayey interesov. Predpochteniya, vzglyady na mir i innovatsii v ekonomiceskoy politike* [When the ideas are more important than the interests. Preferences, views of life and innovations in economic policy]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of economic], 1, 22–44.
32. Akerlof, G. & Shiller, R. (2010). *Spiritus Animalis, ili kak chelovecheskaya psikhologiya upravlyaet ekonomikoy i pochemu eto vazhno dlya mirovogo kapitalizma* [Animal spirits: how human psychology drives the economy, and why it matters for global capitalism]. Trans. from English by D. Priyatkin; In: A. Suvorov (Ac. ed.); Introductory article by S. Guriev. Moscow: Yunayted Press, 273.
33. Uznadze, D. N. (2001). *Psihologiya ustanovki* [Psychology of purpose]. St. Petersburg: Piter Publ., 416.
34. Dolgin, A. (2010). *Manifest novoy ekonomiki. Vtoraya nevidimaya ruka rynka* [Manifesto of new economy. Second invisible hand of the market]. Moscow: AST Publ., 224.
35. Rusakova, O. F. (Ed.). (2015). *Soft power. Teoriya. Resursy. Diskurs* [Soft power. Theory. Resources. Discourse]. Ekaterinburg: Diskurs-Pi Publ., 376.

Author

Vladimir Stepanovich Bochko — Doctor of Economics, Professor, Honoured Economist of the Russian Federation, Deputy Director for Academic Affairs, Head of the Center for Strategic Development of Territories, Institute of Economics of UB RAS (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: vbochko@mail.ru).